

Э. Л. Панкратова

**КНУТ ГАМСУН В БИОГРАФИЯХ И МЕМУАРАХ.
«МЕЧТАТЕЛЬ И ЗАВОЕВАТЕЛЬ» — НОВЕЙШЕЕ
БИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ИНГАРА СЛЕТТЕНА КОЛЛОЕНА**

«А если говорить о чем-либо красивом, то во всем мире не было таких гор, как у них; таких гор не было нигде на свете. Уже в марте прилетал скворец, а немного погодя и серый гусь — о, Боже! Как он любил этот чудесный трепет крыльев, птичий гам под небом, перед которым отец и мать учили его снимать шапку и тихо стоять» («Бродяги», пер. Полуектовой, 1931).

Какие простые, непритязательные слова и какой удивительно зримый пейзаж они рисуют!

Вот уже ставшая хрестоматийной сцена между Гланом и женой кузнеца Эвой из прославленного «Пана» (1874):

— Мне сегодня так грустно, меня одолели думы, — говорю я.

И она жалеет меня и молчит.

— Три вещи я люблю, — говорю я ей. — Я люблю желанный сон, что приснился мне однажды, я люблю тебя и этот клочок земли.

— А что ты больше всего любишь?

— Сон¹.

А вот образец одновременно притчевого и завораживающего стиля «Плодов земли» (1917):

«Он идет по полю, благочестиво обнажив голову и сеет <...> Он знает все, что ему нужно. Душой и телом он деревенский житель, землепашец, не ждущий чьих-то милостей. Выходец из прошлого, провозвестник будущего»².

Подвергнутый судебно-медицинской психиатрической экспертизе (в связи с известным судебным процессом по обвинению в коллаборационизме), отвечая на квазинаучные вопросы доктора Габриэля Лангфельда, Гамсун писал о своем детстве: «Мой дом был беден, но я его бесконечно любил, я плакал и благодарил Бога всякий день, когда можно было прийти домой от дяди, который тиранил меня и морил голодом». (Из заключения о состоянии здоровья Гамсуна, составленного врачами и подписанного Габриэлем Лангфельдом и Эрнульфом Эдегордом³.)

С трудом выводивший дрожащей рукой каракули полуслепой Гамсун и в этой ситуации остается мастером слова. Все его статьи, письма, реплики, ответы на вопросы журналистов, анкеты печатных изданий являются *художественными текстами*.

Творчество Кнута Гамсуна питала экстатическая любовь к родной земле, природе, «опьянение жизнью», по выражению его младшего современника Юхана Боргена. Эта любовь к жизни, энергия бытия (об этом, в частности, блестяще высказался почитатель таланта Гамсуна доктор социальной медицины Пер Фугелли на семинаре, проведенном в родных местах писателя, на Хамарёе, в 2008 году в своем докладе «Мистерия здоровья» — “Helsens misterium”) и являются главным фактором непреходящего интереса к творчеству Гамсуна у него на Родине и за рубежом.

Современный норвежский исследователь Ларс Роар Лангслет в своем сборнике эссе «Лисица или еж?» следующим образом размышляет о творчестве писателя: «Самое удивительное у Гамсуна — это то, что и теперь его творчество производит впечатление такой же новизны и непосредственности, как и тогда, когда были созданы его книги, и что его читают повсюду, во многих уголках земного шара... В чем секрет, что ему дано прямо и непосредственно обращаться ко все новым и новым читательским поколениям?

Я не нахожу лучшего определения этому явлению, нежели слово “магия”, колдовская, завораживающая сила гамсуновской сказочной страны, однажды оказавшись в ней, ты будешь носить на себе ее печать всю оставшуюся жизнь. Это волшебство не становится меньше из-за временной дистанции между нашей жизнью теперь и теми отдаленными годами, когда он создавал свои книги»⁴.

Итак, энергия бытия и магия — *магия слова*.

«Языку писателя должен быть доступен весь музыкальный регистр. Писатель всегда, постоянно и неизменно должен избирать слова так, чтобы

они могли своими созвучиями ранить душу», — говорил сам Гамсун. Эта мысль неоднократно повторяется и варьируется в его письмах и статьях⁵.

Слова. Главное достояние писателя — слова. Главное умение писателя — использовать их.

Кнут рано научился читать и писать. Он писал на дощечках, клочках бумаги, запотевших стеклах. «Это были его буквы, они принадлежали ему безраздельно», — пишет Коллоен⁶.

Отец считал это баловством, братья и сестры насмеялись над ним. Сочувствие и поддержку он находил только у матери, Торы Гамсунд, она прятала бумажки и дощечки, стараясь сохранить его записи. Так что по большому счету именно мать стала первым биографом великого писателя. Правда, никаких письменных свидетельств она нам не оставила. Она умела только рассказывать. В марте 1911 года мать писателя дала интервью газете «Варденс Ганг», всего одно-единственное интервью о своем великом сыне.

При этом существует большое количество мемуаров семьи Гамсун. Прежде всего это книга старшего сына Туре Гамсуна, впервые вышедшая на немецком языке “Mein Vater” (Berlin, 1940), впоследствии переработанная и дополненная, она была опубликована в Норвегии — «Knut Hamsun — min far» (Oslo, 1953). На мой взгляд, это наиболее достоверное из написанного близкими писателю людьми, книга «сыновней любви», искренняя, несмотря на ее неизбежную субъективность; без нее не обойтись исследователям Гамсуна⁷. (Правда есть и вторая книга того же автора, но она — о собственной жизни Туре Гамсуна, художника, писателя, сына своего времени и сына Кнута Гамсуна: “Efter ar og dag”. Oslo, 1990. Русский перевод: Туре Гамсун. Спустя вечность. М., 2006.)

Существуют две книги мемуаров его жены Марии — “Min regnbuen” и “Under gullregnen”, книга младшего сына — “Knut Hamsun og Norholm” и книга их невестки Марианны (вдовы Туре Гамсуна)⁸.

Конечно же, все это — нечто принципиально иное, нежели научные монографии или биографии, написанные людьми, не связанными с ним личными отношениями: в такого рода произведениях доминирует эмоциональный элемент.

Их авторами движут разнообразные, скажем так, смешанные чувства: безграничная любовь или стринберговская «любовь–ненависть», обида, разочарование неприязнь, недоумение. Эти сочинения очень субъективны. И все же некоторые изложенные ими соображения и замечания не могут не представлять интереса как свидетельства времени, в которое жил Кнут Гамсун, порой они проливают неожиданный свет на личность писателя.

Перу писательницы и авантюрной личности Мэри Чевелиты Дунн принадлежит новелла «Вот и пришла весна» (“**Now Spring has come**”) в сборнике «Ключевые заметки» (“**Key notes**”), изданном под псевдонимом Джорж Эжертон⁹ и посвященная ее встрече с Гамсуном в маленьком норвежском Лиллесанне (который послужил прообразом места действия в «Мистери-ях»). Новелла написана в виде эмоциональной исповеди страстно влюбленной женщины в достаточно, претенциозном декоративном стиле, в рамках эстетики префаэлитов. Посвящение: “**To Knut Hamsun — in memory of the day when the west wind and the reinbow met, 1892–1893**” («В память о дне, когда встретились западный ветер и радуга, 1892–1893»). (Впрочем, еще раньше вышло другое беллетристическое произведение подобного рода — роман «Мира», написанный Друде Янсон, женой священника-унитария Кристофера Янсона, в доме у которого жил Гамсун в Эльрое, в Америке, в 1882–1883 годах. После развода с мужем она написала отчасти автобиографический роман «Мира», навеянный ее взаимоотношениями с Кнудом Гамсуном и подписанный псевдонимом Юдит Келлер.)

О своих переживаниях Мэри Чевелита Дунн рассказывает в диапазоне «счастливая–несчастливая». Она пишет, что Гамсун «похож на льва или бизона, что у него красивая голова и при этом руки рабочего». Она признается, что перед свиданием чувствовала себя «как рабыня в ожидании нового хозяина». Что не может не напомнить известную новеллу Гамсуна «Рабы любви». Знакомство Гамсуна с Мэри было кратким, они договорились о переписке, а когда встретились почти через год, то были разочарованы, по крайней мере Гамсун. После интеллектуальных разговоров о Ницше, обсуждения идеи воздержания у Толстого, взглядов Стринберга на женщину и пьесы Ибсена «Гедда Габлер» они решают расстаться навсегда. Помимо крупниц сведений о Гамсуне, в новелле представляют несомненный интерес выразительные описания норвежских пейзажей и некоторых черт тогдашней «скандинавской жизни».

Еще одна женщина, шведская писательница Марика Стьернстедт, оставила хотя и мимолетный, но значительный след в жизни уже немолодого Гамсуна. «Дорогая Марика! Это была сладкая боль, которую Вы причинили мне. Кровотокающий шрам — это память о том вечере», — писал ей Гамсун в своем письме¹⁰. Она написала о нем эссе «Кнут Гамсун» в сборнике «Достоверные воспоминания», оценивая его позицию во время войны, высказалась довольно жестко, даже безжалостно, хотя, пожалуй, нашла выразительные слова: «...о мертвецe среди нас, живых, о человеке, который не проявил солидарности со своим народом и страной в трудный час»¹¹.

Будучи сама писательницей она так определила природу его лиризма и художественного обаяния: «...он был божественно наивен»¹².

Как уже было отмечено выше, все эти мемуары в основном посвящены собственным чувствам и переживаниям родных Гамсуна или его возлюбленных, их авторы стремятся разобраться в конечном счете лишь в собственной жизни.

Можем ли мы понять Кнута Гамсуна? Человека, рожденного в нищете, человека, единственное образование которого составило всего 252 школьных дня, но который стал Нобелевским лауреатом.

Это его искушала мечта о том, что Норвегия «должна занять выдающееся место в мировом, великогерманском сообществе» Это он во время войны призывал норвежских юношей «бросать оружие», написал некролог о Гитлере, который отправил в редакцию газеты «Афтенпостен» накануне дня капитуляции Германии. И остался верен своим иллюзиям до конца.

Кто он? Аристократ духа, Нобелевский лауреат? Бродяга, скиталец, странник, неудачливый эмигрант в Америку, которая поразила его своей бездуховностью, от тяжелого труда и тоски заболевший там туберкулезом и приехавший умирать на Родину, но неожиданно для всех чудесным образом исцелившийся? Крестьянин, как он любил себя называть, потому что и родители, и все дальние предки его были крестьянами и крестьянская жизнь, быт, образ мыслей были для него идеалом?

Гамсун ненавидел театр и в то же время писал пьесы, женился на актрисе.

Выступал против соблазнов большого города, призывал довольствоваться малым, но при этом стремился устроить свое крестьянское хозяйство и жизнь семьи с размахом, в юности был привержен азартной игре, да собственно в чем-то всю жизнь оставался игроком.

Ненавидел прогресс и питал любовь к автомобилям и всевозможным техническим новшествам.

Изобличил Америку, а потом раскаивался: назвал книгу «О духовной жизни современной Америки» грехом своей юности.

Этот ряд можно продолжить.

Гамсун весь соткан из противоречий.

Многое из того, что связано с Гамсуном, как ни с каким другим писателем, непонятно, неуловимо, трудно анализируемо. Можно говорить о тайне творчества и мастерства, есть тайна личности, есть судьба, с которой он боролся и которой покорялся (ницшеанское — «amor fati»?). И потому о нем неизменно говорят: загадка, тайна. Именно так по-гречески — «Enigma» —

названа одна из наиболее серьезных и фундаментальных биографий Гамсуна, написанная Робертом Фергюсоном (Robert Ferguson) — «Enigma. The life of Knut Hamsun» (Century Hatchinsons, 1987).

Если начать с самого начала перечень «объективных» биографий или жизнеописаний, претендующих на это, следует обратиться прежде всего к вышедшему еще при жизни Гамсуна «жизнеописанию», составленному профессором Расмусом Андерсеном, возмущившему писателя до глубины души. Откликом на это послужило пространное открытое письмо редактору, выпустившему в свет данный опус, автора которого Гамсун называл его пустобрехом и балагуром (по-норвежски *spokefugl*).

Вот начало и конец этого письма (кстати, с критикой выступала и Мария Благовещенская, о которой будет сказано ниже):

«“Как сформировался Кнут Гамсун”

Господин редактор!

Передо мной лежит статья, с вышеобозначенным заголовком, которая была напечатана в вашем журнале. Ее автор — господин Расмус Б. Андерсон, который не впервой плетет обо мне разного рода небылицы».

Расмус Андерсон заканчивает свою историю такими словами: «Вот отрывок из подлинного жизнеописания Гамсуна».

«**Он юродствует вплоть до последней секунды**»¹³ (выделено мною. — Э. П.).

В связи с 70-летним юбилеем писателя вышло целых три его биографии. Автором одной из них явился немецко-шведский литературовед Вальтер Берендсон, к изысканиям которого Гамсун отнесся весьма прохладно.

Гамсуну было неприятно копание в его жизни, всевозможные домыслы и предположения; это было для него как проникновение в его внутренний мир, в котором он пытался разобраться сам и образ которого конструировал сам. Этот мир он охранял от всех, даже от жены Марии. Ему причиняла боль история с плагиатом, когда его обвинили в том, что рассказ «Азарт» списан с «Игрока» Достоевского (кстати, точку в этой истории поставил Мартин Наг в своей книге «Кнут Гамсун — норвежский Достоевский», где он пишет, что Гамсун познакомился с романом Достоевского, переведенным на английский язык, будучи в Америке, когда служил секретарем у священника-унитария Кристофера Янсона и жил в его доме). Вероятно, питая интерес к азартным играм, он сделал даже некоторые выписки. Впоследствии же, напрочь забыв текст и даже сам факт прочтения «Игрока», он извлек некоторые идеи и фразы из своей памяти, не догадываясь об их происхождении¹⁴.

Он решительно отвергал и факт знакомства с Томасом Манном, и литературное влияние последнего. Он говорил, что ранее не был знаком с творчеством Манна и лишь однажды прочел «Будденброков», впрочем, «одно из самых грандиозных произведений в мировой литературе». Берендсону он назвал имена трех писателей, в наибольшей степени оказавших влияние на него творчество: Достоевский, Ницше и Стринберг.

Еще одна биография была написана специально к юбилею Гамсуна Эйнар Скавланом — главным редактором одной из центральных норвежских газет «Дагбладет» (также он был директором Национального театра). В этой книге Скавлан описал внешние события жизни писателя, уделив значительное внимание его творчеству, но не стремился выявить каких-либо связей между ними. Последняя фраза в этой книге звучит следующим образом: «Вот старость пришла и к Гамсуну», что было болезненно воспринято последним. Впоследствии Эйнар Скавлан стал одним из главных инициаторов процесса против Гамсуна.

Литературоведческое и психоаналитическое исследование «Жизненный цикл»¹⁵ Трюгве Бротоя также было издано к 70-летию юбилею Гамсуна. Молодой врач Трюгве Бротой составил психологический портрет писателя с подробной характеристикой отдельных черт его характера. Конечно, надо отдать должное проницательности талантливого исследователя, но нельзя не видеть односторонности его подхода. Ученый оказывается буквально одержимым желанием разгадать тайну личности великого писателя, изоблечить неведомые ему самому движущие силы его поступков и творческих достижений. Так, анализируя роман «Голод», он приходит к выводу, что стремление героя господствовать над теми, кто встречается на его пути, является главным мотивом романа и задает ритм всей книге. Этот специалист по нервным болезням полагал, что Гамсун обладает особым даром изображать комплекс неполноценности, который якобы был во многом свойствен самому писателю.

Эту рукопись Трюгве Бротой решил послать Гамсуну, после того как она была отвергнута издательством «Гюльдендаль», которое справедливо посчитало публикацию этого труда некорректным. Впоследствии труд был напечатан в другом издательстве и по сей день не утратил определенной значимости.

Существует и объемная биографическая трилогия о раннем Гамсуне — кропотливый труд профессора Ларса Фроде Ларсена: «Молодой Гамсун», «Радикал», «Чужестранец среди людей»¹⁶. Трилогию отличает редкое сочетание подлинно научной глубины и живого яркого описания. Несколько

лет назад в Финляндии вышла фундаментальная монография профессора Тармо Куннаса «Кнут Гамсун, анархист и модернист»¹⁷. И это далеко не полный список. Авторами наиболее значимых исследований о Гамсуне являются его соотечественники: Мартин Наг, Нильса Магне Кнутсен, Эрик Хокон Эгеберг.

В целом о Гамсуне написано много, во много раз больше, чем он написал сам (последнее юбилейное издание сочинений писателя включает 27 томов).

Первую биографию писателя на русском языке написала Мария Благовещенская. Она была опубликована в издательстве «Шиповник» сто лет назад. Мария Павловна Благовещенская (1863–1953) много и увлеченно переводила его произведения («Голод», «Пан», «Виктория», «Под осенней звездой», новеллы, драмы). Она восторженно относилась и к личности, и к творчеству писателя.

В начале своего описания Благовещенская справедливо замечает: «Произведения этого замечательного и до сих пор единственного в своем роде писателя настолько оригинальны, настолько сильно на них сказывается индивидуальность автора, что невольно сама его личность возбуждает глубокий интерес читателя»¹⁸.

По ее мнению, Гамсун «внес новую свежую струю в литературу и приобрел почти всеветную известность. Однако нигде он не пользуется такой широкой популярностью, как у нас в России; недаром его называют в шутку “русским писателем”»¹⁹.

Она подробно развивает мысль о том, что Гамсун не был понятен своим соотечественникам, что он «ближе нам русским», и при этом она невысокого мнения о том, что было написано Гамсуном о России и Кавказе: «Как первое произведение, так и второе не отличаются особыми литературными достоинствами, и для нас, русских, они не представляют интереса, так как за свое кратковременное пребывание в России и на Кавказе Гамсун едва ли мог ознакомиться с духом и нравами совершенно чуждого ему народа».

Начало очерка А. А. Измайлова, коллеги и ближайшего соавтора Благовещенской, перекликается с началом очерка последней: «Те из читателей, которым случай дал сначала в руки книги Кнута Гамсуна и только потом ознакомил их с судьбой этого писателя-самоучки, с огромным самоцветным талантом имеют право с удивлением и почти недоверием отнестись к его биографии»²⁰.

Имена Благовещенской и Измайлова стоят рядом в изданной отдельной книгой биографии Гамсуна, но оба текста совершенно самостоятель-

ны. (При том что очерк о Гамсуна в качестве предисловия к полному собранию сочинений Гамсуна в 14 томах (СПб., 1910) дан совсем в другой редакции.) И некоторые мнения этих коллег и соратников наряду с общим преклонением перед талантом Гамсуна не только не совпадают, но диаметрально противоположны. Так, Благовещенская, как было сказано выше, решительно заявляла, что путевые заметки Гамсуна «не отличаются особыми литературными достоинствами», в то время как Измайлов утверждал, что «с **особенным интересом** (выделено мною. — Э. П.) всякий русский прочтет “В сказочном царстве. Пережитое и передуманное”».

Две другие биографии великого норвежца, вышедшие в последние годы у нас, почти столетие спустя (!), — это нечто из области журналистики и массовой культуры. Так, в компилятивной книге, основанной на уже существующих на русском языке текстах (литературоведческих и художественных), вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей»²¹, к примеру, утверждается, что фамилия Гамсун — псевдоним (тогда как это норвежская традиция — брать название родной усадьбы как фамилию), что адвокат Сигрид Стрей якобы не участвовала в знаменитом процессе над Гамсуном. Есть и другие фактические ошибки, не говоря уже о стиле: «травили анекдоты», «матадор Цаль» (имеется в виду богатей и меценат Эразм Цаль), норвежское слово «матадор» в жаргонном значении «денежный мешок» не может буквально транслитироваться на русский язык; «моя религия — мораль натурализма», якобы утверждал Гамсун (имеется в виду: моя религия — поклонение природе).

Еще более странное и удручающее впечатление производит брошюрка знаменательного желтого цвета из серии «Неформальные биографии» — «Грешники и праведники» (2009), внизу обложки сердце, пронзенное стрелой и надпись “Glamour”. «Автор» (вероятно, некий коллектив штамповщиков), господин Надеждин, поместил ее в серию, где она явилась одной из сотни подобных биографий за № 33 (наряду с биографиями Коко Шанель, Чарли Чаплина, Эрнеста Хемингуэя, Альберта Эйнштейна, английского короля Эдуарда VIII, Мэрилин Монро и пр.)²².

Как известно, фрагмент романа «Голод» был подписан: «Af en ung ukjent forfatter» («Молодой неизвестный писатель»). Молодой Кнут Гамсунд (так тогда писалась его фамилия) хотел всех заинтриговать и выступил анонимом, одновременно настойчиво обивая пороги издательств.

Здесь же мы встречаем следующий пассаж, связанный с дебютом писателя, суть которого прямо противоположна. Фрагмент романа «Голод» якобы подписан подлинной фамилией. Вопрос заключался в том, как найти

этого Гамсуна. Приведем разговор между прославленными братьями Георгом и Эдвардом Брандесами. Стиль говорит сам за себя:

«Спустя час Эдвард сидел в кабинете Георга Брандеса и наблюдал, как тот бегаёт взад и вперед, дожевывая вторую сигарету, которую забыл прикурить.

— Мама! — кричал Георг. — Святые угодники!

— Как ты мог не взять у него адреса? Где мы его найдем? Копенгаген — огромный город».

Читаешь и вспоминаешь Хлестакова или анекдот на тему «не выиграл, а проиграл, не 100 рублей, а рубль» и т. д. Ну прямо-таки одесский юмор.

В контексте всего вышесказанного, на мой взгляд, несомненно значительным событием является новейшее биографическое исследование норвежского журналиста и писателя Ингара Слеттена Коллоена, выпущенное издательством «Гюльдендаль» в двух томах (каждый приблизительно по 500 страниц) соответственно в 2003 и 2004 годах.

В России эта книга представлена в так называемой «интернациональной версии», впрочем, являющей собой весьма солидный том, который вышел в свет у нас в конце юбилейного гамсуновского года (а издатели представили 2010), так же как и в Англии, США, Германии, Франции, Латвии, Литве, Эстонии, Испании, Китае²³.

Автор книги «Гамсун. Мечтатель и завоеватель» сумел блестяще достигнуть заявленной цели — «сохранить равновесие между объективным исследованием и увлекательным повествованием».

Перед нами прежде всего *фундаментальное* документированное исследование (любой приводимый факт находит подтверждение в разного рода документах, письмах записках, дневниковых записях, а если это гипотеза или предполагаемый ход событий, то автор делится соображениями, почему именно так, а не иначе он реконструирует события или приходит к определенному выводу), в котором последовательно и вдумчиво прослеживается жизненный и творческий путь писателя. Достаточно большое место при этом занимают не только исторические и политические аспекты, но и другие, в частности, даже экономический аспект жизни великого писателя. Иногда это представляется важным и интересным, например, история с покупкой акций издательства «Гюльдендаль», которое из датского филиала на территории Норвегии превратилось в национальное норвежское издательство, хотя порой некоторые социологические выкладки, например, когда размер гонораров Гамсуна сравнивается с жалованьем то горничных, то профессоров, то главного столичного полицмейстера, представляются

нарочитыми и избыточными. Но здесь вопрос, пожалуй, в разнице менталитетов.

При этом весьма важным и не лишенным смелости представляется стремление Коллоена осмыслить психологию Гамсуна как художника слова, автора гениальных произведений и одновременно психологию его личности как частного лица, с присущими ему достоинствами и человеческими слабостями и страстями.

На протяжении всего повествования автор прослеживает взаимодействия этих ипостасей личности писателя. Речь идет не столько о том, как факты биографии и жизненный опыт находят отражение в произведениях Гамсуна, сколько о том, как само творчество многообразно и противоречиво влияло на жизненный путь писателя, его действия и поступки. При этом существование гения, как физическое, так и духовное, было подчинено его творчеству.

Кнут Гамсун был буквально одержим своим призванием, этим «божественным безумием», по выражению Георга Брандеса. (Кстати, так называется написанная специально для школьников биография: Oystein Rotttem. Biografien om Knut Hamsun. Guddomelig galskap. Gyldendal Tiden, 1998.) Он часто покидает дом и семью и месяцами живет в гостиницах и пансионатах, где ничто не нарушает его покой.

Вот что он пишет в такой ситуации в одном из своих писем жене Марии в 1913 году (у них недавно родился первенец): «Только бы мне не слышать голос Туре. Это не значит, что он меня беспокоит, бедняжка, но я до истерики боюсь, что мне что-то помешает. <...> Это просто ужасно, **но я больше не человек, я инструмент творчества**»²⁴ (выделено мною. — Э. П.).

Поразительно, как Гамсун, человек, близкий природе, земле, инстинкту, в то же время умел теоретически, литературоведчески осмысливать свой творческий процесс и психологию творчества как таковую.

Приведем в связи с этим свидетельство Коллоена: «Для одних художественных натур золотая жила их творчества постоянно доступна им, им надо только все время не спеша разрабатывать ее. Другим приходится добывать драгоценную руду из глубины, с помощью взрыва, и эти взрывы они должны подготавливать сами, о, это долгая, мучительная работа, и она сопряжена с риском»²⁵.

По-видимому, самого себя Гамсун относил ко второму типу художественных натур.

Жизнь Гамсуна — это постоянная охота за порывами вдохновения. Вот как Гамсун описывает в «Местечке Сегельфосс» подобную охоту молодого

Хольмсена за этими благословенными порывами вдохновения: «Из переполненной души хлещет и хлещет поток, не иссякает; он, точно слепец, внимает льющим извне звукам и записывает их, словно обретя свет. Пишет, пишет, пишет. Время от времени он ударяет рукой по клавишам, снова пишет, всхлипывает, сплевывает подступившую тошноту, пишет. Это длится бесконечно, идут часы, о эти блаженные часы качания на волне!»²⁶

Автор биографии настойчиво и целеустремленно предпринимает попытки проникнуть в творческую лабораторию писателя, пытается осмыслить механизм создания его произведений.

Уже в самом начале своего пути Гамсун поставил перед собой задачу — «сказать миру что-то новое и совершенно новыми средствами».

«Теперь Гамсун был готов к решительному штурму литературного Олимпа: ему не нужно больше скрываться за вымышленными персонажами или отражаться в них. Он разрабатывал такую писательскую технику, которая, позволила бы ему воплотить в своем творчестве противоречивую, неврастеническую личность. Технику, характерная особенность которой состоит в том, что авторское “я” дробится и звучит в нескольких голосах, которые спорят между собой, и одновременно повествует, размышляет, наблюдает и комментирует происходящее.

Другой характерной чертой этой техники являются многообразие настроений, импульсивность, резко сменяющие друг друга движения души. В голосе повествователя звучала ирония, и, Бог свидетель, как он громко смеялся над состраданием к самому себе»²⁷.

Сказанное Коллоеном относится к тому времени, когда Гамсун готовился к написанию романа «Голод» и находился непосредственно в процессе работы над ним, когда он обрел свою творческую индивидуальность, заложил основы неповторимого гамсуновского стиля

Таким образом, можно поспорить с теми исследователями, которые утверждают, что наиболее характерной чертой романов Гамсуна является то, что они написаны от первого лица. В связи с этим расхожим стало часто употребляемое выражение “jeg formen”, магическая, все объясняющая формула. Несомненно, что авторское «я» присутствует, но дело гораздо сложнее: ведь присутствуют и первое, и третье лицо, не просто маска (или *alter ego*), **автор не перевоплощается в своего героя. Это порой одновременно и сам Гамсун, и способный наблюдать за ним со стороны повествователь (как Кнут Педерсен(!) в романе «Под осенней звездой» (1906), «Странник играет под сурдинку» (1909), где герой способен одновременно действовать и отстраненно наблюдать).** Жена Мария умоляла его покончить с ро-

манами от первого лица, так как чувствовала, что он не только раскрывает, опустошает самого себя, но и выносит на всеобщее обозрение какие-то проявления их отношений.

В 1890 году целиком выходит роман «Голод», уже подписанный полным подлинным именем, в том же году Гамсун пишет свою программную статью «О бессознательной духовной жизни», в которой в развернутой форме излагает свое эстетическое кредо, уже воплощенное в «Голоде».

Написанная и опубликованная за несколько лет до выхода в свет первой работы Зигмунда Фрейда, она запечатлевает носившиеся в воздухе идеи о роли подсознания в жизни человека. С одной стороны, это как бы своеобразный эксперимент над самим собой, с другой — романтический прорыв в сферу бессознательного. Одновременно это своего рода восторженный гимн творческим личностям, людям с тонкой душевной организацией.

«Для современного человека с тонкой нервной организацией, любознательного, чутко улавливающего все происходящее вокруг, остается все меньше и меньше сокровенных тайн природы, одна за другой они раскрываются перед ним как предмет наблюдения и осознания. Все большее и большее число людей, отдающих себя напряженной мыслительной деятельности и к тому же обладающих тонкой духовной организацией, переживает самые поразительные психические явления. Им бывают порой присущи необъяснимые душевные состояния: немой беспричинный экстаз, прилив внутренней энергии; способность уловить далекие сигналы из глубин воздушного пространства и морской стихии, мучительная и изумительная в своей остроте способность воспринимать звуки, позволяющая улавливать даже трепетание неведомых атомов, о существовании которых только догадываешься; внезапное сверхъестественное проникновение в неведомые царства; предчувствие грядущего несчастья в момент безоблачности — все эти явления имеют огромное значение, но это неспособны постичь грубые и примитивные мозги лавочника. Подобного рода явления часто слишком мимолетны, чтобы зафиксировать и удержать их в сознании. Это может продлиться секунду, мгновенье, как промелькнувший свет фар промчавшегося автомобиля; но отличие в том, что такое явление оставляет после себя след, память. И из этих почти незаметных душевных движений, импульсов в сознании человека, обладающего тонкой душевной организацией, чувствительного, как листья мимозы, и созревают мысли, решения, побуждения к началу дня, когда листья мимозы раскрываются»²⁸.

И далее: «А что если бы современная литература стала бы больше внимания уделять состоянию души человека, нежели балам, помолвкам, пик-

никам и несчастным случаям как таковым? Тогда бы пришлось отказаться от описания “типов” — все они уже созданы и описаны — и “характеров”, с которыми мы каждый день сталкиваемся на рыночной площади. При этом мы, вероятно, потеряем ту часть читательской публики, для которой важно только одно: соединятся ли герой и героиня в конце. Но зато в литературе станет гораздо больше описаний уникальных явлений, и это в большей степени будет отражать ту духовную жизнь, которой живут наши современники. И тогда мы узнаем кое-что о тех таинственных процессах, которые незаметно происходят в периферийных областях человеческого сознания, о безграничном хаосе ощущений, причудливой фантазии, высвеченной нашими чувствами; о слепых порывах мыслей и чувств, немых и бесследных коллизиях между ними, о загадочности нервных явлений, шепоте крови, мольбе суставов, всей жизни подсознания. И тогда будет меньше книг с дешёвым поверхностным психологизмом, авторы которых не способны показать весь спектр человеческой психики, погрузиться в глубины человеческой души»²⁸.

В 18-летнем возрасте у еще юного писателя, к тому времени уже автора первого романа «Бьёргер» (иногда его называют повестью — *fortelling*), сформировалась своя концепция действительности, свое отношение к человеческой жизни, сущность которой, по его мнению, неизменна: вечна природа, ее круговорот. В жизни все повторяется и возвращается на круги своя. (Этот круговорот мы наблюдаем в повторяющихся эпизодах многих романов писателя. Апогея тема достигнет в романе «Круг замкнулся».) Рождение — взросление — любовь — старость — смерть — вот подлинное содержание жизни.

В связи с этим можно утверждать, что в творческом развитии Гамсуна — художника слова нет эволюции, трудно выстроить какую-то логическую периодизацию, есть цикличность: неслучайно Коллоен, рассказывая историю жизни писателя, построил свое повествование как смену времен года. От холодных зим детства писателя за Полярным кругом через весны, лета и осени к глубокой зиме — старости (в феврале 1951 года писатель ушел из жизни).

Поэтому лишь весьма условно можно говорить о периодах или этапах творчества Гамсуна, скорее можно говорить о меняющихся чертах или подходах, трансформации. С начала 1900-х годов Гамсун стремится дистанцироваться от своих персонажей, обозревает их со стороны. Прием оказывается плодотворным, свой новый роман «Мечтатели» он написал всего за два месяца, роман вышел в свет к Рождеству 1904 года.

«Если раньше он стремился вложить в их уста свои слова и свою боль, то теперь он обратился к самоиронии. Он начинает использовать новые художественные средства и обнаруживает, что таким образом он может занять более удобную позицию по отношению к своим персонажам. Ведь чем больше отстраненность автора от своих героев, тем меньше необходимость проследивать каждый их шаг, подробно разрабатывать причудливые варианты их поведения, процесс их создания оказывается все менее болезненным. Лукавство и ирония становятся все более ощутимыми в творчестве Гамсуна», — пишет Коллоен²⁹.

Ирония обеспечивала определенную дистанцию, перспективу общего обозрения. Саму атмосферу романа создает особый северный нурланнский колорит, «нурланнская барочная речевая фантазия», по остроумному выражению цитированного выше Ларса Роара Лангслета.

Если в ранних романах центром всего является личность с ее внутренними ощущениями и восприятием мира, то в последующих романах, таких как «Дети времени» (1913), «Местечко Сегельфосс» (1915), «Женщины у колодца» (1920), «Последняя глава» (1923), это жизнь целой группы людей, целого города. Здесь уже не стремление уловить мельчайшие внутренние подробности жизни отдельной личности, а жизнь в многообразии ее течения. Поздние романы Гамсуна построены как подобие жизненного потока, среди которого находится главный герой, тот, на ком остановился пристальный авторский взгляд, тот, кто непосредственно находится в центре повествования. При этом наряду с судьбой этого героя автора интересует и судьба других людей вокруг, и он как бы невольно начинает вглядываться и в них.

«В моем сознании мельтешит такое множество персонажей из предыдущей книги, и у меня целые горы заготовок, разных заметок, разговоров и диалогов. Материала так невероятно много, что он буквально переполняет меня, и я никак не могу начать. Я каждый день мучаюсь с этим. Но я надеюсь, Всевышний так или иначе поможет мне разрешиться от бремени»³⁰, — писал он Марии, работая над «Местечком Сегельфосс».

Гамсун создавал свои гениальные произведения, опираясь, по выражению автора биографии, «на свое многослойное подсознание, суть которого невозможно постигнуть до конца».

При этом представляется правомерной та особая роль, которую норвежский исследователь отводит психоанализу в жизни писателя. Гамсун был увлечен психоанализом со времен молодости, это захватившее его веяние эпохи имело позитивное значение для стимуляции творческих сил писателя, но при этом стало причиной глубокого семейного разлада.

Коллоен обнаружил новые материалы, немало интереснейших фактов и деталей, в частности, среди записей доктора-психоаналитика Юхана Иргенса Стрёмме, пациентами которого были и писатель, и его жена Мария.

Вот как биограф Гамсуна описывает один из снов писателя, который тот пересказывает доктору Стрёмме: «Гамсун начал рассказывать свой сон, и с самой первой фразы слушатель был поражен сколь близка устная речь Гамсуна его писательской манере: “Появляется какой-то человек, несущий младенца, но несет его как-то не так, согласно моему разумению. Ребенок настолько плотно спеленат, что не может пошевелиться. А ведь для младенцев важно чтобы они могли двигаться, шевелиться, но этот малыш был спеленат так плотно, как какой-то сверток, и несли его под мышкой. Необходимо было освободить ребенка так? чтобы он мог производить какие-то движения. У меня было ощущение тревожности. По моему разумению? я сам связан какими-то путами. Я сейчас слишком зажатый, окостеневший. И теперь, начиная курс у доктора, я хотел бы как можно скорее избавиться от пут, чтобы ничто не мешало моим движениям, чтобы я стал более пластичным, сгибаемым”»³¹.

Доктор Стрёмме обещал стимулировать творческий потенциал писателя, обещал ему «новую весну». И действительно, творческий подъем наступил.

Но одновременно Стрёмме, сам не ведая того, сыграл и роковую роль в жизни Гамсуна: ведь впоследствии именно из-за того, что Гамсун буквально принудил жену посещать доктора, она прониклась к тому доверием или, по крайней мере, убеждением, что это абсолютно необходимо для мужа. Этот факт способен объяснить, почему она с непонятной готовностью рассказала интимные подробности своих взаимоотношений с мужем другому доктору — Габриэлю Лангфельду. Она считала, что действует в его и своих интересах, ведь ее муж верил психоаналитикам.

Если говорить о последнем этапе творчества писателя, хотя и условном, то есть о 1930-х годах, когда была создана трилогия об Августе и «Круг замкнулся», — это время, когда сознание Гамсуна было буквально переполнено картинками и образами, которые жаждали творческого воплощения.

«Однажды ему приснилась во сне девушка, которая ждала ребенка. При этом у нее стал расти не живот, а поразительным образом расширилась душа. Может быть, это он сам беременен новой книгой, и это его душа начинает раскрываться?»³² — поделился Гамсун со своей женой сокровенными ощущениями и переживаниями.

Теперь Гамсун постоянно разговаривает, спорит, активно «взаимодействует» со своими героями: «Процесс творчества начинается у него с того, что он раскладывает вокруг себя листочки с заметками. Своеобразный пасьянс. Какие-то бумажки он потом соединяет между собой, какие соединяются сами, а некоторые из них действительно становятся элементами художественной реальности. Той реальности, условия для возникновения которой он создает, в которой позднее он берет на себя роль Всевышнего.

Таким образом, творить — это значит сутки напролет добиваться этих благословенных мгновений. “Да будет жизнь”, — закликает он и рассыпает листочки по столу. И жизнь возникает, подлинная жизнь, в его персонажах так много жизненной энергии, что они спорят со своим создателем, пытаются ускользнуть от его замысла, а он возвращает их обратно с помощью изящно наброшенного литературного лассо».

Теперь его герои полностью автономны, а он играет роль Всевышнего³³.

«Он должен, как Атлант, постоянно держать весь этот мир на своих плечах», — так характеризует это состояние Коллоен

Впрочем, все вернется на круги своя в его последней книге «На заросших тропинках» (1948), представляющей собой тайный дневник, хронику событий, связанных с пребыванием писателя в психиатрической клинике и доме престарелых, вышедшей в 1949 году. На переднем плане в ней вновь обнаженная душа самого писателя. При этом в книге есть и свободный полет фантазии художника, и персонажи, спроецированные его сознанием.

Свою книгу Коллоен назвал «Гамсун. Мечтатель и завоеватель». Очень глубокое и емкое название. Гамсун предстает в ней и как мечтатель, страстно любящий природу, жизнь, творчество, и как завоеватель, борец за свое место на литературном Олимпе и в обществе, завоеватель в любви, политике, увы, поддержавший Гитлера, в котором увидел воплощение ницшеанского идеала.

Гамсун благословлял земное существование человека, этот краткий и неповторимый миг, и все его творчество насыщено энергией этой любви. «Право жить есть такой щедрый, такой незаслуженный дар, что он с лихвой окупает все горести жизни, все до единой». Вряд ли кто мог бы сказать лучше.

Отсюда стойкая привязанность к Гамсуну тех, кому за восемьдесят, и интерес тех, кому около шестнадцати (свидетельство тому — множество аллюзий, цитат и псевдоцитат в творчестве молодых по всему миру).

На Севере Норвегии, в родных местах Гамсуна, на Хамарёй, в юбилейный год открылся новый шестиэтажный исследовательский центр, но поможет ли он кому-то *до конца* понять его феномен? Вряд ли...

«В любом человеке содержится гораздо больше роковых противоречий, нежели мы можем представить себе», — итог изысканий Коллоена.

По-прежнему читаемый, по-прежнему притягательный писатель остается неуловимым. Неразгаданная тайна. Кнут Гамсун.

¹ Гамсун К. Избранные произведения: в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 74.

² Гамсун К. Собрание сочинений. М., 1996. Т. 4. С. 329.

³ Коллоен И. Гамсун. Мечтатель и завоеватель. М., 2010. С. 598.

⁴ «Мечтатели». ОГИ. 2006. С. 598.

⁵ Sit fra «Kristofer Janson, Udkast», i «Ny Jord». 1888 год. См.: Коллоен И. Указ. соч. С. 600.

⁶ Коллоен И. Указ. соч. С. 22.

⁷ Hamsun Tore. Knut Hamsun — min far. Oslo, 1952; Гамсун Туре. Кнут Гамсун — мой отец (рус. пер.: М., 1999).

⁸ Hamsun Marie. Regnbuen. Oslo, 1953; *Idem*. Under gullregnen. Oslo 1959. (Рус. пер.: Под сенью золотого дождя. СПб., 2009); Hamsun Arild. Om Knut Hamsun og Nørholm. Grimstad, 1961; Hamsun Marianne. Eine Bildbiographie. München, 1959.

⁹ Egerton G. Key notes. L., 1894.

¹⁰ Гамсун — Марики Стьернстет от 25.06.1930; Knut Hamsuns brev utgitt av Harald Naess: i 6 bind. Oslo, 1991. Bd. 5.

¹¹ Эссе «Кнут Гамсун» Marika Stiensterd. Mest sanning: minnen, 1948. S. 367.

¹² Ibid.

¹³ Рус. пер. в сб: Гамсун К. О духовной жизни современной Америки. СПб., 2007.

Расмус Б. Андерсон (1846–1936) — профессор-скандинавист в университете Висконсина, постоянно жил в Америке, в 1885–1889 годах был американским послом в Копенгагене.

¹⁴ Nag M. Geniet Knut Hamsun — en norsk Dostojevskij. Oslo, 1998. S. 201–203.

¹⁵ Braatoy Trygve. Livets cirkel. Bidrag til analyse av Knut Hamsuns diktning. Oslo, 1954.

¹⁶ Larsen Lars Frode. Den unge Hamsun. 1998. Radikalen, 2001. «Tilvaeresens utlaending», 2002 — последний заголовок представляет собой цитату из «Мистерий». Здесь дан в переводе М. П. Благовещенской.

¹⁷ Kunnas Tarmo. Knut Hamsun. Modernisti ja anarkisti. Jyvaskyla, 2005.

¹⁸ Благовещенская М. П., Измайлов А. А. Кнут Гамсун. Биография по неизданным источникам и литературная характеристика. СПб., 1910. С. 7.

- ¹⁹ Там же. С. 38.
- ²⁰ Там же. С. 3.
- ²¹ Будур Н. Гамсун. Мистерия жизни. М., 2008.
- ²² Надеждин Н. Кнут Гамсун. Грешники и праведники. М., 2009.
- ²³ Коллоен И. Указ. соч.
- ²⁴ Кнут Гамсун — Марии. Письма от 3 и 28 февраля 1913 года.
Knut Hamsuns brev utgitt av Harald Naess: i 6 bind. Oslo, 1991. Bd. 3. S. 442–443, 447–448.
- ²⁵ Коллоен И. Указ. соч. С. 64.
- ²⁶ Гамсун К. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1991–2000. Т. 3. С. 586.
- ²⁷ Коллоен И. Указ. соч. С. 55.
- ²⁸ «О бессознательной духовной жизни» в сб.: Гамсун К. В сказочном царстве. М., 1993. С. 301.
- ²⁹ Коллоен И. Указ. соч. С. 186.
- ³⁰ Кнут Гамсун — Марии. Письмо от 8 февраля 1915 года.
Knut Hamsuns brev utgitt av Harald Naess: i 6 bind. Oslo, 1994–2000. Bd. 4. S. 22–23.
- ³¹ Коллоен И. Указ. соч. С. 348.
- ³² Там же. С. 351.
- ³³ Там же. С. 246–247.